

Старикъ и его три зятя.

Жиль-быль старикъ со старухой, было у нихъ три

дочери - красавицы. Пошелъ разъ старикъ въ амбаръ за крупой, насыпалъ мѣшокъ, понесъ домой, да дорогой

всю ее и рассыпалъ. Пришелъ домой, а старуха и спрашиваетъ:

— Гдѣ же крупа?

— Дорогой рассыпалъ.

— Ахъ, ты, старый, ступай сейчасъ же, собирай крупу!

Пошелъ старикъ и говорить:

— Кабы Солнышко обогрѣло, да Мѣсяцъ бы освѣтилъ, да кабы Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупу собрать, — отдалъ бы я въ жены Солнышку свою старшую дочь, Мѣсяцу — среднюю, а Ворону Вороновичу — младшую.

Солнышко его обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ помогъ ему собрать крупу. Пришелъ старикъ домой и говорить старшей дочери:

— Одѣнься хорошенько да ступай на крыльцо, тамъ тебя женихъ дожидается.

Вышла она на крылечко, Солнышко и утатило ее. Потомъ старикъ приказалъ средней дочери одѣться и выйти на крылечко.

Только что она вышла, Мѣсяцъ схватилъ ее и унесъ. Говорить старикъ младшей дочери:

— А тебя я просваталъ за Ворона Вороновича; одѣнься хорошенько да ступай на крылечко, тамъ тебя женихъ дожидается.

Вышла младшая дочь на крылечко, а ужъ Воронъ Вороновичъ ждетъ ее — не дождется; какъ только увидалъ, — схватилъ и унесъ. Стали старикъ со старухой жить вдвоемъ. Прошла недѣля, другая, — соскучился старикъ безъ дочерей и говорить женѣ:

— Ты, старуха, сиди дома, а я пойду старшую дочь провѣдаю, погляжу, какъ она съ мужемъ живетъ.

Пришелъ старикъ къ Солнышку. Зять съ дочкой встрѣтили его съ почетомъ.

— Надо, жена, отца угостить, — говоритъ Солнышко, — затѣвай-ка оладьи.

Замѣсила жена тѣсто, а Солнышко сѣло посреди полу; поставила ему жена на голову сковороду съ оладьями, — оладьи живо изжарились. Погостилъ старикъ у зятя, пришелъ домой и приказываетъ старухѣ поставить тѣсто для оладій, а самъ сѣлъ на полъ и кричить:

— Ну, старая, живѣе! Ставь мнѣ на голову сковороду съ оладьями, — живо испекутся.

— Что ты, старикъ, аль съ ума сошелъ? Гдѣ же это видано, чтобы на головѣ оладьи пекли?

— Молчи, старая, — дѣлай, какъ я тебѣ приказываю!

Нечего дѣлать, поставила старуха ему на лысину сковороду съ оладьями. Ждала-ждала, да не пекутся оладьи, — пришлось ей въ печкѣ ихъ печь.

Прошло нѣсколько дней, собрался старикъ къ средней дочери и говоритъ старухѣ:

— Пойду-ка я, старуха, провѣдаю свою среднюю дочь, какъ-то она съ мужемъ своимъ поживаетъ.

— Ступай, старикъ, ступай, да, смотри, скорѣе домой возвращайся.

Пошелъ старикъ. Увидала дочь, что отецъ къ ней въ гости идетъ, и вышла вмѣстѣ съ Мѣсяцемъ на крыльцо его встрѣчать. Говорить Мѣсяцъ женѣ:

— Истопи-ка, жена, баньку. Пусть батюшка съ дороги попарится.

Истопили баню. Идетъ старикъ париться, да и говоритъ зятю:

— Какъ же я мыться буду: въ банѣ-то темно?

— Ничего, я тебѣ посвѣчу.

Вошелъ старикъ въ баню, а зять просунулъ палецъ въ щелку, и стало тамъ свѣтло. Погостилъ старикъ у зятя, пришелъ домой и кричитъ женѣ:

— Эй, старуха, топи баню скорѣе.

— Что ты, старикъ, вѣдь ночь на дворѣ, кто ночью баню топить?

— Ничего, старуха, я тебѣ свѣтитъ буду.

Взяла старуха вязанку дровъ и пошла въ баню, а старикъ сталъ у двери и растопырилъ все пальцы, чтобы женѣ посвѣтить, но отъ этого свѣтлѣе не стало. Старуха впотьмахъ зацѣпилась за порогъ и вмѣстѣ съ дровами полетѣла на полъ.

— Ахъ ты, старый дурень, — кричитъ она, — тоже свѣтитъ вздумалъ!

А старикъ ужъ и самъ не радъ своей затѣѣ.

Прошло еще немного времени. Захотѣлось старику повидать свою младшую дочь. Пошелъ онъ и къ ней

въ гости. Младшая дочь вмѣстѣ съ мужемъ приняла отца честь-честью, угостила его, чѣмъ Богъ послалъ. Настала ночь, Воронъ Вороновичъ и говорить старику:

— Пойдемъ, батюшка, на насѣсть спать.

Послушался старикъ и пошелъ. Воронъ Вороновичъ подставилъ ему лѣстницу. Влѣзъ старикъ на насѣсть и усѣлся тамъ, — Воронъ Вороновичъ прикрылъ его крыломъ, такъ и спали. Погостилъ старикъ у зятя и пошелъ домой.

Наступила ночь, говорить онъ старухѣ:

— Не хочу я спать на печи. Полѣземъ спать на насѣсть.

— Что ты, старикъ, мнѣ и не влѣзть туда.

— Ничего, я тебѣ лѣстницу подставляю.

Влѣзли они на насѣсть. Сѣли. Старикъ прикрылъ старуху рукой, и оба задремали. Вотъ ночью старикъ вздумалъ потянуться, да какъ полетитъ на полъ, а старуха за нимъ... всѣ бока себѣ отбили!

Съ той поры пересталъ старикъ дурить и до сихъ поръ живетъ со старухой счастливо.

